

14 Мар 1970
СМЕНА
Г. Ленинград

ДЛЯ НАШИХ театров сейчас самый раз сезон. В Ленинграде состоялось несколько премьер. Сегодня в нашем театральном фойе ведут беску корреспондент «Смены» Э. Юлина и театровед, кандидат искусствоведения Марк Леонидович Любумович. Хотя мы и проводим этот диалог беседуем, мы тем не менее ждем Любумовича на полное освещение темы. Мы же с вами, читатели, поговорим о спектаклях, поставленных ленинградскими театрами в первой половине нынешнего театрального сезона.

КОРРЕСПОНДЕНТ: — Театр имени Ленсовета поставил новый спектакль «Солом, герцогиня», по очкам известности и значимости произведений Лаврентия. Чем, на ваш взгляд, ценен спектакль сегодня?

М. Н. Любумович: — В ленинском советском театре удалось найти новые грани мысли. Мне представляется важным и ценным, что создатели спектакля обращаются к таким глубоким гуманистическим, нравственным. Для смертельных врагов — Мюриоты и Говоруха-Отрок — оказываются в ситуации, когда каждый должен спасти другого от смерти. Театр стремится показать, как это случается, романическая близость проследит души героев, оживит их чувства. На сцене возникает чрезвычайная тема сростка людей, живущих на одной земле, под одним небом. Романтика любви понятна театру в ее нестерпимости с человеком.

Примечательно в этом смысле хрестоматийная фигура. Героиня страдает в силу порока незаметно, как бы истинно, прежде чем успеет принять решение. И потом, круша, вокруг его тела с присущей ему рухлякой, бешено, будто шло ополдание, выстрел, одновременно заходит и терзает его. Ужуркая замысел автора, режиссер Г. Опоков и актриса Л. Мелеванна как бы показывают, что то был и выстрел в собственное сердце, крушение надежды и веры.

В диалектике контрастов и драматическом заострении сюжета мне видится значительность и человечность режиссерской концепции. Мне кажется, что в этом спектакле постановочный обогащает характерную, неповторимую Ленсовета традицию гуманистического истолкования сложных кон-

фликтных революционной эпохи, а это сегодня ценно и важно.

КОРРЕСПОНДЕНТ: — Считается ли интегральной формой постановки? Не несет ли в себе определенную общность, сплоченность, сделав его данью пороку сплоченности, столь жесткой ленинградскому театру? Или же, хотя не связано прямо с главными героями? Шаг ли это вперед для режиссера по сравнению с его прежними работами?

М. Н. Любумович: — Я вижу в «Солом, герцогиня» дальнейшее развитие темы режиссера и его художественных поисков, хотя этот спектакль представляется мне менее масштабным, чем «Пассажирка» и тем более «Жестокость».

Постановка необычна по приемам. То, что Опоков, инсценируя повесть, превратил в диалог двух героев, помогает крупнее увидеть характеры, выдвигает главное. Но в таком акцентировании, вероятно, можно увидеть и некоторые потери.

КОРРЕСПОНДЕНТ: — Что вы можете нам сказать об актерской работе?

М. Н. Любумович: — Оба оппозиторы и содержательны. Мелеванна подчеркивает, что ее Мюриотка вышла из самых низов народа. В изображении актрисы героиня — угрюмый, «железный» босс. В ее жесткости, в безжалостности долу есть известный фанатизм. Мюриотка — Мелеванна по-солдатски груба и беспощадна. Набрав силу, она стреляет с азартом, здорово вскрывая при попадании.

В сцене, на острове мы являем, как просветляется в улыбке лицо Мюриотки — Мелеванной, до того ставшего холодным враждебностью. В последнем эпизоде бродячий в трансе она делает свои прощальные шаги. В руках оружие, которое, как в руках спящего, было лишь ополчением выстрелу, одновременно заходит и терзает его. Ужуркая замысел автора, режиссер Г. Опоков и актриса Л. Мелеванна как бы показывают, что то был и выстрел в собственное сердце, крушение надежды и веры.

В диалектике контрастов и драматическом заострении сюжета мне видится значительность и человечность режиссерской концепции. Мне кажется, что в этом спектакле постановочный обогащает характерную, неповторимую Ленсовета традицию гуманистического истолкования сложных кон-

ДИАЛОГ-ОБЗОРЕНИЕ ПЯТЬ ПРЕМЬЕР

спокойных интонаций, осянке — чувство достоинства, готовности, не другую, принять свою судьбу... Мягкими штрихами рисует Леонидовича сложное отношение Говорухи-Отрока к Мюриотке. Во второй половине спектакля вспыхивает иронический пренебрежительный усмешка поручика, «дрывающийся и трепещущий» чувства, которым не дано было жить.

КОРРЕСПОНДЕНТ: — Театр всегда выигрывает, когда читает конфликт драматургического материала. В этом спектакле гуманистический конфликт. Не кажется ли вам, что с этой точки зрения можно оценить и новую работу Театра имени Пушкина «Час пик»?

М. Н. Любумович: — Возможно, что театр приспосабливает здесь кажущуюся актуальную проблематику человека к правдивой догме. Тема драматического фрезиера, составленной сюжета — одна из вечных тем искусства. «Час пик» вполне уместен в репертуаре Пушкинского, которые не являются чуждыми. В спектакле особенно яркие моменты, где ошущию страстность пробудить у зрителя мысль о необходимости исполнения пошлого и эстетичности прожитых лет.

Понятно желание героя начать жизнь сначала. Но раскаяние само по себе означает кутерьбу «в грехах», немедленного выправления души. Вспоминается чеховская мысль, высказанная устами Пети Трофимова из «Вишневой сады». Приветствуя «молодых людей», чеховский герой прибавляет: «Ведь так ясно, что бы начать жить в настоящем, надо сначала искупить прошлое, покаяние с ним».

Трагичность, судьбы Кшиштофа Мекисовича в том, что лишь перед лицом смерти он различает, отдал ли себя бездумности и аномализму прошлой жизни. Развитие событий в спектакле по-

буждает сопереживание зрителю, заставляет как бы очнуться на свою судьбу, проверить собственную совесть. Ощущение чуждого, одиночества, как распахнуть запыленные пытки и потребительское отношение к людям и жизни.

КОРРЕСПОНДЕНТ: — Насколько значительным и глубоким является ваше решение «Час пик» в самой постановке?

М. Н. Любумович: — Постановщик активно использует многообразие современных сценических средств. Музыка, кино, монтаж, прием движущихся декораций, продуманность ритма создают спектаклю динамику, самобытность, остроту. Но, компрометируя партию премьеры, театр подчас отступает к популярности конфликта. Выступая редкими театральными спектаклями, мы отходим от вымывания от его драматической основы (например, в сценах в ресторане, в то-есть в Забавских, встречах в аэропорту).

Для развития сценической мысли важны сопоставления героя с окружающей его средой. Эти сопоставления могли бы приобрести большую серьезность и драматическую остроту, если бы многие другие персонажи — спектакли не были трактованы с излишней односторонностью.

КОРРЕСПОНДЕНТ: — Впечатления от спектакля «Час пик» во многом зависят от исполнения главной роли. Что вы могли бы сказать о работе Горбачева?

М. Н. Любумович: — Актер в свободной манере играет Кшиштофа в первой части спектакля, логичными красками рисует по-

ловую натуру героя. Его Мекисовича, как рыба в воде, легко и привычно действует в тонко изведенных стилистике марксистского расчета, компромиссной служебной дипломатии, умелой рукой сырая «цветы» удовольствия.

КОРРЕСПОНДЕНТ: — Он будто даже в часе находит место. Какими же, по сути, переживаются одни моменты: имеет ли человек моральное право уехать уехать в другой, далекий город, если на родине у него остается любимая, которая сама же может доказать с ним? Выступает, искусство, искусство, как с поставлен у Эдаса, ошущию. Распространение драматургия тайно бала — пасад счастлив, утратив шверта.

КОРРЕСПОНДЕНТ: — Почти одновременно с театром имени Пушкина поставлен спектакль «Час пик» в театре ТЮЗ. Что вы думаете о спектакле Лаврентия? Не так, так ли?

КОРРЕСПОНДЕНТ: — Мы говорили о важной теме, взятой искусством из жизни взаимоотношения людей, сложные нравственные моменты. Драматургия Розова и его пьеса «Час пик» — это полудневная история. Сложные про-

блемы, хотя герои его совсем иные, и в спектакле Большого драматического театра возникает разговор о современном человеке.

М. Н. Любумович: — В пьесе Розова нравственный мир героев расширяется под воздействием мечты в реальности и их личных судьбах. Замысел драматурга мне кажется интересным. Сам факт появления новой розовской пьесы на ленинградской сцене достоин поддержки. Лучшими актерскими достижениями в пьесе представляются работы Лаврентия (Кня) и молодого артиста Четверикова (Альберт). Но думается, что молодому режиссеру А. Товстоногову не удалось исчерпать все резервы пьесы. Спектакль излишне обобщен, выявляет по-настоящему. Не все драматические линии его прочтены остро.

КОРРЕСПОНДЕНТ: — В нем, кстати, немало интересных парадоксов его работы «Алексей и Ольга», «Святая ночь», поставленных в театре имени Ленинского комсомола. Что вы скажете о последней премьеры этого театра?

М. Н. Любумович: — Если можно говорить о серьезности, проблемности драматургического материала в спектаклях БДТ и Пушкинского театров, то в новой пьесе Ю. Эдаса «Пролетар» этого никак не скажешь. Она не стала и не могла стать опорой в исканиях театра. Кстати, уронен пьесы «Пролетар» мало отличает от уровня других произведений автора, и вызывает неуспевающее впечатление театра к его Драматическому.

На протяжении трех актов в выходы в бессодержательные диалогах, по сути, переживаются одни моменты: имеет ли человек моральное право уехать уехать в другой, далекий город, если на родине у него остается любимая, которая сама же может доказать с ним? Выступает, искусство, искусство, как с поставлен у Эдаса, ошущию. Распространение драматургия тайно бала — пасад счастлив, утратив шверта.

КОРРЕСПОНДЕНТ: — Почти одновременно с театром имени Пушкина поставлен спектакль «Час пик» в театре ТЮЗ. Что вы думаете о спектакле Лаврентия? Не так, так ли?

КОРРЕСПОНДЕНТ: — Мы говорили о важной теме, взятой искусством из жизни взаимоотношения людей, сложные нравственные моменты. Драматургия Розова и его пьеса «Час пик» — это полудневная история. Сложные про-

блемы, хотя герои его совсем иные, и в спектакле Большого драматического театра возникает разговор о современном человеке.

М. Н. Любумович: — В пьесе Розова нравственный мир героев расширяется под воздействием мечты в реальности и их личных судьбах. Замысел драматурга мне кажется интересным. Сам факт появления новой розовской пьесы на ленинградской сцене достоин поддержки. Лучшими актерскими достижениями в пьесе представляются работы Лаврентия (Кня) и молодого артиста Четверикова (Альберт). Но думается, что молодому режиссеру А. Товстоногову не удалось исчерпать все резервы пьесы. Спектакль излишне обобщен, выявляет по-настоящему. Не все драматические линии его прочтены остро.

КОРРЕСПОНДЕНТ: — В нем, кстати, немало интересных парадоксов его работы «Алексей и Ольга», «Святая ночь», поставленных в театре имени Ленинского комсомола. Что вы скажете о последней премьеры этого театра?

М. Н. Любумович: — Если можно говорить о серьезности, проблемности драматургического материала в спектаклях БДТ и Пушкинского театров, то в новой пьесе Ю. Эдаса «Пролетар» этого никак не скажешь. Она не стала и не могла стать опорой в исканиях театра. Кстати, уронен пьесы «Пролетар» мало отличает от уровня других произведений автора, и вызывает неуспевающее впечатление театра к его Драматическому.

На протяжении трех актов в выходы в бессодержательные диалогах, по сути, переживаются одни моменты: имеет ли человек моральное право уехать уехать в другой, далекий город, если на родине у него остается любимая, которая сама же может доказать с ним? Выступает, искусство, искусство, как с поставлен у Эдаса, ошущию. Распространение драматургия тайно бала — пасад счастлив, утратив шверта.

КОРРЕСПОНДЕНТ: — Почти одновременно с театром имени Пушкина поставлен спектакль «Час пик» в театре ТЮЗ. Что вы думаете о спектакле Лаврентия? Не так, так ли?

КОРРЕСПОНДЕНТ: — Мы говорили о важной теме, взятой искусством из жизни взаимоотношения людей, сложные нравственные моменты. Драматургия Розова и его пьеса «Час пик» — это полудневная история. Сложные про-